

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Лагуна вечной любви

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина

Лагуна вечной любви

«Научная книга»

Савина Е. И.

Лагуна вечной любви / Е. И. Савина — «Научная книга»,
— (Охотница на ведьм)

Если у вас параноя — это не значит, что за вами не следят! Именно так и получилось с друзьями ясновидящей Ольги Калиновой. Вдвойне «приятно», когда криминальные разборки сочетаются с мистическими сражениями. Кто выйдет победителем? И кто он на самом деле — человек или нездешнее существо?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Савина

Лагуна вечной любви

Глава 1

Надо думать, он еще и отчаянно жестикулировал, верный привычке добросовестно выполнять свою работу – полузабытый актер, чье лицо оставляло своих сияющих двойников на многих километрах трескучей советской киноплёнки, а теперь обнажилось почти до степени безжизненной маски. Даже зная, что целиком в кадр он не войдет, войдет только усталое, истасканное сотнями ролей лицо, он, наверное, с преувеличенным энтузиазмом размахивал руками, азартно притоптывал. Ему очень хотелось, чтобы зритель, смотревший эту рекламу с его участием, вспомнил те годы, когда... А, может быть, он питал надежду, что его заметят и пригласят на съемки другого какого-нибудь ролика.

– Лагуна вечной любви, – снова проговорил он, мягко приклепнув губами последний слог, – это то, о чем вы давно мечтали. Вы хотели помочь жителям своей страны, тем малоимущим семьям, в которых каждую копейку тратят на хлеб, тем бабушкам, сиротливо горбящимся в подземных переходах метро и прячущим свое лицо под грязным платком. Вам неловко смотреть людям в лицо, когда вы выходите из своего белого «Мерседеса». Благотворительный фонд «Лагуна вечной любви» принимает от населения...

– Ерунда какая-то, – проговорила я и отвернулась от телевизора, – и название еще дурацкое какое-то придумали для благотворительного фонда.

– И тем не менее! – прервал восклицанием ровно текущую свою речь актер с экрана телевизора. – Помогая другим, вы не теряете своих денег! Вы вообще ничего не теряете. Спустя какое-то время, деньги, вложенные вами в благотворительный фонд «Лагуна вечной любви», вернуться к вам сторицей. Да, да! Наш благотворительный фонд позволит вам заработать на добрых делах! Но, конечно, если вы захотите передать деньги фонду в виде безвозмездных пожертвований, вам никто этого запрещать не станет...

– Оля, послушай, – хмурясь и кусая губы, сказала Даша, сидящая в глубоком кресле, стоящем рядом с моим – точно таким же – мы будто приобрели два соседних билета на рейс самолетом, – послушай, это очень важно. Я второй день хожу уже сама не своя...

– Лагуна – это что такое? – спросил валяющийся на ковре Васик Дылда. – Что-то морское, – сам себе ответил он, глядя в потолок.

Он отхлебнул из бутылки, приподняв для этого голову, и проговорил обращаясь уже к Даше:

– Ну, кто за тобой следить может? Ты сама подумай! Если бы ты была преступницей или... или была в чем-то замешана, тогда другое дело, ты могла бы опасаться слежки. А так... Просто глупо.

– Не глупо! – громче, чем следовало бы, вскрикнула Даша. – Я не сошла с ума. Я точно знаю, что за мной следят. Именно поэтому я позвонила тебе, чтобы ты заехал за мной, именно поэтому...

– Стоп, стоп, стоп... – Васик, опершись о длинные костистые руки, по-обезьяньи уселся на ковре, оставив на время бутылку в сторону, – так вот почему мы поехали сначала на ВДНХ, потом на в юг, потом на запад, потом опять в центр. Два с половиной часа по городу катались! А я еще думаю – чего ты на заднем сиденье вертишься, все оглядываешься и по сторонам... это самое... Так это ты от хвоста отрывалась, – Васик хохотнул, – по-моему, Дашенька, тебе лечиться надо.

– Придурок, – коротко отозвалась Даша и повернулась ко мне, оставив Васику хихикать и прихлебывать из своей бутылочки.

– Послушай, Ольга, – снова заговорила она, – поверь, мне неприятно, что я тебе впутываю во все это, но... мне нужна помощь. Я сама психолог и понимаю, что все мои подозрения могут оказаться просто-напросто навязчивой идеей, появившейся после событий прошлого года. Следствие потрясения, невроза... Ну, ты знаешь прекрасно, о чем я говорю.

Я кивнула.

– Мне нужно, чтобы ты помогла мне разобраться, – продолжала Даша, – угрожает ли мне что-нибудь реальное или мне нужно просто... как предлагает вот этот, – она кивнула на Васику, – подлечить нервы?

Я снова кивнула.

– Ну так что? – спросила Даша.

Васик отпустил еще несколько шуточек относительно психического здоровья Даши, но так и сидела к нему спиной, и шуточки, не найдя адресата, покружились еще по просторной комнате, поддерживаемые в прозрачном воздухе хихиканьем Васику, и растворились без следа, как только Даша заговорила снова:

– Ты сможешь мне? – повторила она.

– Не сейчас, – сказала я и, взглянув на мгновенно изменившееся Дашино лицо, добавила, – я хотела сказать – не сию минуту. Через пару часов.

– Через пару часов стемнеет, – немедленно высказался Васик, – она тогда вообще из твоей квартиры выходить откажется.

– Ну, так и пускай ночует у меня, – предложила я, – останешься, Даша?

– Останусь, – быстро проговорила она и дотронулась пальцами обеих рук до своих бледных щек, которые, впрочем, немного порозовели после моего предложения.

– А я? – обиделся Васик. – А меня почему не приглашаете? Мне тоже можно остаться? А, Оль? А то я немного выпил, несмотря на то, что за рулем. Еще разобьюсь на машине... Так часто бывает. Одна бутылка пива притормаживает человеческие рефлексy до такой степени, что управление автомобилем становится...

– Помолчи, хоть пять минут, – поморщилась Даша и негромко все же добавила:

– Можно подумать, Васик, ты хотя бы один раз в жизни ездил на своем чудовище трезвый и не об-долбанный. Хорошо, сейчас тебя хоть кокс отучили нюхать.

– Ага, а я на пиво переквалифицировался, – согласно кивнул Васик и поставил пустую бутылку в угол, где стояло уже две таких же, – теперь дую по ящику в день. А какая разница – что кокс, что пиво. Лишь бы весело было. Хотя, кокс – он... – Васик вдруг вздохнул и задумался о чем, время от времени бормоча что-то неразборчивое, но судя по всему, очень для него приятное. Родившаяся на его губах мечтательная улыбка постепенно заставила его замолчать, и из уголков его зажмуренных глаз полилась легонькая истомы, расцветившее его длинное лошадиное лицо с выпирающими мослами скулы в нежно-розовый цвет.

Даша, внимательно наблюдая за Васику, покачала головой и едва заметно усмехнулась. Потом вздохнула, возвращаясь в привычный фарватер своих безрадостных мыслей и снова взглянула на меня.

– Через два часа, – сказала я, – я ведь только что пришла с работы. Весь день на ногах. А для того, чтобы помочь тебе, мне нужны силы...

– Да-да, я понимаю, – кивнула мне Даша.

Очнувшийся Васик поднялся с ковра и теперь суетливо оглядывался по сторонам, скорее всего – в поисках своих ботинок, один из которых он зашвырнул под кресла, когда разувался, а куда подевался второй, я не видела. А может быть, видела, но не придавала этому факту большого значения и это воспоминание затаилось глубоко в подсознании.

– Ты куда собрался? – спросила его Даша.

– За пивом, куда же еще, – пробормотал Васик и вдруг встал на четвереньки и из такого положения продолжил осмотр, бегая по комнате, как большая лохматая собака, – куда же я его... Ага, вот один!

Он вытащил из-под кресла свой ботинок и – так же на четвереньках – пополз в прихожую. Чтобы ботинок не мешал ему передвигаться, он взял его в зубы, отчего сходство с псом многократно усилилось.

Даша снова вздохнула.

«Нужно занять ее, что ли, разговором каким-нибудь ничего не значащим, – подумала я, прикрывая уставшие за долгий рабочий день глаза, – а то что-то она действительно очень обеспокоена. Кто-то следит за ней. Неотступно ходит по пятам. Что это на самом деле – поздно проявившееся следствие давно пережитого невроза или...»

Лучше бы, конечно, это было небольшое расстройство психики, – решила я, – тогда все проще. Даша пожила бы у меня денька два, я взяла бы отгул на работе – и за два дня я бы совершенно вылечила ее. Несколько сеансов – и она была бы полностью здорова».

– Как дела на профессиональном фронте? – спросила я.

Очнувшись от своих мыслей, Даша заметно вздрогнула.

– Что? – быстро спросила она.

– Да ничего особенного, – сказала я, с удивлением глядя на тревогу, проступившую на ее лице, – просто поинтересовалась, как у тебя дела с работой.

– Ах, это... Да так, – Даша пожала плечами, – пыталась отыскать занятие по душе, но что-то не получается. А тут еще и новые проблемы навалились.

– Везет тебе, Даша, – решив не обращать внимания на последнюю фразу, проговорила я, – ищешь работу не для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, а для того, чтобы...

Я щелкнула несколько раз пальцами, пытаясь подобрать нужное определение.

– Занять место в общественной иерархии, – подсказала Даша, – чем-то заниматься, чтобы занять себя. Найти себе какую-то... какую-то...

– Подставку, – теперь уже я сформулировала быст рее, – подставку, а под ней табличку – «Даша Мироненко. Дипломированный специалист. Занимается тем-то и тем-то, и тем-то. И добилаь больших успехов».

Даша не рассмеялась. Только улыбнулась. Но и это порадовало меня.

– Не могу же я вечно болтаться по модным тусовкам, посещать клубы и концерты, – сказала она, – это Васику хорошо – он с утра выпьет и ему уже ничего не надо. Мотается по городу, как... без подставки. Вот как-нибудь он доведет своего папашу... Дипломированного специалиста. И тот лишит нашего Васику содержания. Вот тогда Васик запоет. Интересно, чем он будет заниматься, если лишиться средств к существованию? – спросила вдруг Даша.

– Он ведь закончил МГУ, – немедленно поддержала я уже достаточно окрепший и оформившийся разговор, – факультет журналистики, если я не ошибаюсь. Диплом у него тоже есть, причем, насколько я помню, красный. Так что устроиться ему в какую-нибудь газетенку – без проблем можно.

– Чисто теоретически, – заметила Даша, – да, диплом. Только диплом этот ему папа его купил. А самого Васику с четвертого курса едва не выперли за драку с преподавателем.

– С преподавателем? – удивилась я. – Интересно, как это наш Васик...

– Ну, где же он? – долетел из прихожей жалобный голос Васику. – Куда он делся? Что же мне – за пивом босиком идти? Не лето ведь. Март месяц. Еще холодно.

Из дальнейшего малоразборчивого и плаксивого бормотания Васику, можно было понять, что ботинка своего он так и не нашел, следовательно из квартиры выйти не может, хотя и очень хочет пива.

– Может быть, и устроится в какое-нибудь издание... Что-нибудь из желтой прессы, – продолжала рассуждать вслух Даша, – будет писать о богемной жизни Москвы. Уж что-что,

а божественная жизнь ему хорошо известна, – усмехнулась она, – от этого-то у него мозги и набекрень, что успокоиться не может и заняться делом.

– Ну, куда он задевался, проклятый?.. – по инерции канюча, вошел в комнату Васик, – у кого это мозги набекрень? – спросил он и, не дождавшись ответа, добавил:

– Я бы, Дашенька, на твоём месте, в зеркало бы посмотрел. Мозги набекрень... Я хотя бы манией преследования не страдаю.

Даша поморщилась и замолчала. Я мысленно схватила Васика за его длинные нечесанные патлы и несколько раз с наслаждением дернула так, что в руках у меня осталось бы пара прядей его жестких от постоянного окрашивания волос.

Васик посмотрел на снова уставившуюся в пол Дашу и почесал в затылке.

– Я не хотел, – сказал он, – напоминать. А пусть она про меня гадости не говорит.

– Ты, кажется, за пивом собрался, – напомнила я, – вот и иди.

– Я не могу!.. – с готовностью захныкал Васик. – Я не могу ботинок найти свой. Оль, помоги, а? Невыносимо выпить хочется – сегодня целый день ничего не пил. Почти...

Даша молчала, уставясь в пол.

Я вздохнула, закрыла глаза и медленно откинулась на спинку кресла. Васик, затаив дыхание, отошел подальше – видимо, чтобы не мешать мне.

Зрительные безмолвные образы вспухали в моем сознании и гасли. Добравшись до нужного мне эпизода, я остановилась и дальше кадры медленно закрутились, как на противоположном засыпающему у своего проектора киномеханику экране.

Вот, застигнутая в кухне у плиты неслышным звонком, я выхожу в прихожую и смотрю в глазок. После этого открываю дверь. Первая входит Даша, за ней вваливается Васик Дылда, размахивая длинными руками, в каждой из которых зажато три бутылки пива. Он широко разевает рот, выкатывая круглые беззвучные слова и смеется.

Не успев войти и не удосужившись выпустить из рук бутылки, Васик разувается, опасно балансируя на одной ноге. Наконец случается то, чего следовало было ожидать – он оступается и, нелепо раскорячившись, на мгновение повисает в воздухе. Потом всем своим большим и нескладным телом обрушивается на пол, успев, впрочем задрать вверх руки, так ловко, что при его падении выскальзывает и разбивается только одна бутылка пива.

Ботинок, который Васик успел снять, летит через прихожую в гостиную и, закатившись там под кресло, замирает.

Васик несколько секунд испуганно лежит на полу, считая, очевидно, что переломал себе все кости, но потом поднимается, ставит к стеночке уцелевшие пять бутылок и принимается стряхивать с себя осколки стекла. Одну ногу, уже разутую, он поджимает, опасаясь порезаться, так как стоит в луже разлитого пива, где островками высятся острые осколки.

Я приношу тряпку и ликвидирую последствия Васикова паскудства. Даша молча сидит в кресле и нервно грызет краешек крашеного – по старому привычке – черным лаком ногтя.

Васик, уже полностью пришедший в себя, весело прыгает на одной ноге в прихожей, вытряхивая из уха невесть как попавшее туда пиво. Одновременно он освобождает ногу от ботинка и, не глядя, швыряет его позади себя.

Ботинок кувырывается по полу, через открытую дверь попадает в мою спальню и...

Я открыла глаза и потрянула головой, возвращаясь к действительности. Киномеханик наконец заснул, опустив голову на проектор, на ручке которого неподвижно замерла его рука. Последняя сцена на белом экране моего сознания бесследно гаснет.

Васик и Даша, не отрываясь, смотрели на меня. Васик даже открыл рот.

– В спальне, – сказала я, – посмотри в спальне под кроватью.

Васик молча кивнул и метнулся из комнаты. Через несколько мгновений он снова появился передо мной, бессмысленно улыбаясь и взглядом указал на свои обутые ноги.

– Нашел? – спросила Даша.

– Не видишь, что ли, – откликнулся Васик и, снова поворачиваясь ко мне, восхищенно покрутил головой.

– Слушай, как у тебя это получается? – спросил он. – Фантастика! Мне бы так уметь. А этому научиться можно? Или...

– Или, – сказала я, – разве не знаешь? Я тебе уже обо всем рассказывала. По наследству. Но Васик уже не слушал меня.

– Ага, ага... – невнимательно отвечал он из прихожей, уже терзая неумелой рукой замок входной двери.

– Налево и дерни посильней, – подсказала я.

В ответ мне раздался сочный щелчок и в гостиную плеснула коротенькая волна кислого подъездного запаха. После того, как Васик захлопнул за собой дверь, запах повис облачком, с каждой секундой истончаясь, и скоро исчез вовсе.

– Наверное, это единственный дом в Москве, на подъездные двери которого еще не повесили кодовый замок, – проговорила Даша, все так же глядя в пол.

Я даже вздрогнула.

– Старый дом, – сказала я, – тут одни бабушки живут и дедушки. Но мне квартира очень понравилась удобной планировкой, поэтому я здесь и поселилась. Причем, размен еще с доплатой получился. На первое время мне хватило, пока на работу не устроилась. Правда, машину пришлось продать, которая... которая мне от сестры осталась, да и... На что мне машина. Я уже привыкла к метро.

– Я бы тоже на твоём месте не стала бы жить в квартире, где погиб близкий мне человек, – отозвалась Даша и посмотрела меня, – просто не смогла бы. Я как вспомню обо всем этом... Господи. Уже почти год прошел, а я все вздрагиваю, когда слышу имя Захар. А когда увижу бритоголового человека, да еще одетого в кожаную куртку, потом покрываюсь. Никогда не забуду, как я проснулась в своей машине. Вижу подъезжающий джип Васика – он выходит оттуда в своей заклепанной куртке и не видит, как быстрым шагом к нему приближается... Два выстрела и Васик падает. Ты выскакиваешь с другой стороны джипа, огибая капот, бежишь к нему. Киллер вскрикивает, увидев твоё лицо, отшатывается и снова вскидывает свой пистолет...

Я заметила, что у Даши задрожали руки.

– Целый год прошел, – проговорила я, обнимая ее, – что теперь ворошить...

– Потом, когда ты сняла бронезилет, мы насчитали семь сплюснутых о его оболочку свинцовых шариков, – не в силах уже остановиться, продолжала Даша, – а потом ты уехала. Мы с Васиком с ума сходили всю ночь. А потом, когда ты все нам рассказала...

– Долгая история, – мягко прервала ее я, – долго рассказывать и ни к чему вспоминать. То, что с нами случилось, больше не повторится.

На это Даша ничего не сказала. Она помолчала немного, мельком взглянула на меня и отвернулась. И заговорила снова:

– Я и не знала раньше, что бывает на свете такие близнецы. Я думала, что близнецы – это просто похожие. А у тебя с твоей сестрой – совершенно одно лицо. Помнишь, через пару недель после того, как ее... убили, в Москве появилась ты. В ночном клубе «Черный лотос»? На тебе была одежда твоей сестры, и все приняли тебя за твою сестру-близнеца Наталью, вернувшуюся с того света, чтобы отомстить за свою гибель.

– Помню, помню, – проговорила я, видя, что Даша волнуется все больше и больше, – не надо об этом.

– Боже мой, какие мы дураки были с Васиком, – судорожно – как будто у нее перехватило дыхание – вздохнула Даша, – Общество Сатаны... молокососы, объединенные тайной. А оказалось все – игрой, затеянной для того, чтобы качать деньги с наивных юных дураков и безобразными оргиями в ночных клубах прикрывать настоящие страшные преступления, которые...

– Ну, прекрати, – снова попросила я, – просто в последние дни ты разнервничалась. Нечего вспоминать то, что... то, что лучше забыть. Мою сестру не вернешь, но убийцу мне тогда удалось найти и наказать. Захар, погубивший мою сестру и едва не погубивший вас с Васиком, исчез. Как будто растворился в пустоте. Все кончилось.

– Да, – сказала Даша, – но мне почему-то кажется, что те страшные дни – после смерти Натальи – могут повториться. Не спрашивай меня – почему, – воскликнула она, заметив, что я удивленно на нее глянула, – я это чувствую. Но не могу объяснить. К тому же – я говорила тебе, что в последние дни замечала, что за мной следят. Рядом с мной оказываются люди, которых я уже где-то видела раньше, потом они исчезают и я раза два-три за день начинаю угадывать рядом с собой новых... соглядатаев. Я теперь не могу выносить, если кто-то смотрит мне в спину. Страшное ощущение. Я чувствую себя беспомощной и слабой. Я пришла к тебе, что ты помогла мне. Ты же можешь мне помочь? Ну... сказать мне – на самом ли деле мне грозит опасность или просто у меня разболтались нервы?

– Я тебе и сейчас могу сказать, – улыбнулась я ей, – все в порядке. Просто тебе немного нужно отдохнуть. Слушай, поживи пока у меня, а когда успокоишься...

– Поживу! – согласилась Даша и как будто даже облегченно выдохнула, точно ждала, что я ей это предложу. – Я все-все-все могу делать – и стирать, и готовить, и в магазины ходить. Будь уверена, что я для тебя обузой не буду. Только сначала помоги мне.

– Хорошо, – сказала я и поднялась со своего кресла.

Потом сходила на кухню, принесла оттуда стул, поставила его напротив кресла, где сидела Даша. Выключила свет, отчего в комнату тут же ввалились из окон синие сумерки.

Я села на стул.

– Закрой глаза, – сказала я, и Даша повиновалась мне.

* * *

Год назад, когда я еще не жила в Москве, а жила в маленьком провинциальном городке, как-то вечером домой мне позвонили из убойного отдела какого-то района Москвы и попросили срочно приехать в столицу.

Потом сказали и причину вызова – один день назад в своей квартире была застрелена моя сестра Наталья, совсем недавно уехавшая от меня в Москву в поисках лучшей жизни.

Несколько дней спустя выяснилось, что Наталью застрелил профессиональный киллер, а такие преступления обычно не раскрываются. Мне так и сказал опер – что вероятность раскрытия этого преступления – два-три процента.

Но мне удалось разобраться во всем этом запутанном деле – как оказалось, моя сестра-близнец Наталья была членом Общества поклонников Сатаны, как и, кстати говоря, Васик Дылда и Даша. Отцом Общества был Захар – жуткой внешности человек, и в самом деле похожий на выходца из потустороннего мира. Сначала я думала, что это Общество – просто-напросто сборище богатых бездельников, которых увлекла идея тайной организации, наркотические шабаши и яркие проповеди Захара, почитаемого ими за могущественного колдуна.

Позже выяснилось, что я ошибалась.

Захар и вправду обладал исключительными экстрасенсорными способностями и мог при случае продемонстрировать опьяненным наркотиками юнцам какую-нибудь псевдоколдовскую штуку. Но на самом деле занимался он куда более серьезными делами, чем охмурением молодых столичных балбесов и вытягиванием из них денег – процедура эта напоминала что-то вроде сдачи членских взносов.

Захар был связан с многочисленными преступными группировками Москвы и крутил с ними дела, которые безусловно выходили за рамки, установленные уголовно-процессуальным

кодексом Российской Федерации. В этой его преступной деятельности ему очень помогали средства, выкачанные из членов созданного им Общества и его экстрасенсорные способности.

Захар и заказал киллеру мою сестру. О том, почему он это сделал, я узнала в самом конце всей этой запутанной и жуткой истории. Оказалось, что Наталья, так же, как и сам Захар, обладает экстрасенсорными способностями, унаследованными ею от нашей прабабушки Поли, которую на себе называли ведуньей. Захар помог Наталье раскрыть эти ее способности и намеревался с их помощью укрепить свою власть.

Но Наталья неожиданно отказалась связываться с темной деятельностью Захара, и тогда он...

Трудно было отыскать убийцу моей сестры, но у меня в конце концов все получилось. К тому же – я обнаружила, что такие же экстрасенсорные способности, какие были у моей сестры, есть у меня – мы же с ней одинаковые. Правда, полностью разобраться в своих возможностях я пока не успела, но уже кое-чему научилась – проникать в сознание людей.

* * *

Я села на стул.

– Закрой глаза, – сказала я, и Даша повиновалась.

Глава 2

Вообще-то, это похоже на киносеанс. Ведь после того, как я устанавливаю контакт с сознанием определенного человека и проникаю под кору его головного мозга, передо мной начинает вращаться тысяча образов, воспоминаний, обрывки сказанных когда-то слов, выслушанных монологов, прочитанных книжных строчек и много-много-много...

Но я четко знаю вопрос, который должна задать и задаю его. После этого на мгновение падает белая пелена, а когда эта пелена тает – передо мной уже выстраивается стройный ряд кадров, которые, начиная, двигаться один за другим, представляют мне то, что я хотела увидеть.

Да, это очень похоже на кино – от моей воли ведь не зависит ход событий, показанных мне.

* * *

Даша, не шевелясь, сидела в кресле. Она широко открыла глаза и смотрит в одну точку, прикованная моим взглядом. Со стороны может показаться, что она в транс, но это не так. Мне вовсе не нужно никого вводить в транс, чтобы получить ответ на нужный мне вопрос.

И я вижу...

Я вижу идущую через улицу к своему автомобилю Дашу. Слева от нее мелькает тень, я отмечаю эту тень, но не успеваю идентифицировать ее с кем-нибудь из...

Вот Даша стоит у своего подъезда. Он зябко кутается в свою куртку и оглядывается по сторонам. Должно быть, ждет кого-нибудь из соседей, чтобы вместе с ним подняться на нужный ей этаж. Но на улице угольная темнота, судя по которой – уже глубокая ночь – и добропорядочные соседи в такое время на улицах не шастают, а спят дома. Даша еще немного стоит у подъезда, то и дело испуганно вздрагивая и оглядываясь по сторонам, а потом поворачивается и быстрым шагом идет по направлению к своей машине.

Кадр смещается, но я успеваю заметить в углу кадра мелькнувшее чье-то тело. Должно быть, наблюдатель, находился в подъезде и наблюдал за Дашей через подъездное окно, а когда увидел, что она уходит, быстро спустился и последовал за ней.

Следующий кадр почти полностью покрыло облако выхлопного газа. Видно только – задний бампер и заднюю часть отъезжающей машины Даши, и окутанный серым облаком, выделявшим его на фоне темноты, неясный силуэт таинственного наблюдателя.

* * *

– Пожалуй, достаточно, – проговорила я, и Даша, вздрогнув, открыла глаза.

Какое-то время она приходила в себя, потом тряхнула головой и попыталась улыбнуться.

– Никак не могу привыкнуть к ощущению – когда кто-то копается в моих мозгах, – сказала она, ощупывая за чем-то свою голову обеими руками.

– Можно подумать, ты часто испытываешь такие ощущения, – заметила я.

– Одного раза – вполне достаточно на всю оставшуюся жизнь, – сообщила Даша, она прокашлялась, опустил лицо в ладони и снова подняла на меня глаза.

– Ну что? – робко спросила она. – Что ты выяснила? За мной на самом деле кто-то следит или?..

Я покачала головой.

– Не знаю пока, – сказала я.

– То есть – как это? – нахмурилась Даша. – Ты же проникла в мое сознание, как ты это умеешь, ты же все должна выяснить.

– Понимаешь, – начала я, – в первый момент мне показалось, что твои подозрения оправдываются, что на самом деле за тобой кто-то...

– Я так и знала, – опустив глаза, прошептала Даша, – я почувствовала, что...

– погоди, – остановила ее я, – я вовсе не уверена, что то, что я увидела – реальный факт, а не образы, созданные твоим же воображением.

– Как это? – заморгала глазами Даша. – Даже ты не можешь этого определить. Как же мне быть?

Я задумалась.

– Пожалуй, я смогла бы сказать точно, – медленно выговорила я, – если бы ты пришла ко мне раньше. Пришла спокойная и попросила прояснить случай... Но теперь ты едва не в истерике бьешься. И вполне может быть, что на самом деле ничего и не было. Просто у тебя расстроены нервы и ты сама себе насочиняла проблем.

Даша резко вскочила с кресла.

– Я ничего не сочиняю! – выкрикнула она. – Я думала, что ты мне помочь сможешь, а не отделаешься просто, как от... Как от...

Они бросилась в прихожую, кажется, уже всхлипывая. Я метнулась за ней и успела схватить ее за рукав, когда она, наскоро обувшись и схватив в охапку свою куртку, направлялась к двери.

– Пусти, – выговорила Даша и, не выдержав, все-таки разрыдалась.

– погоди, – быстро заговорила я, – ведь я на самом деле не могу быть на сто процентов уверена, чтобы сейчас успокоить тебя. Ведь я просто передала тебе отпечатки с того, что ты видела. Просто какие-то нюансы могли ускользнуть от твоего восприятия, но остаться в определенном участке головного мозга. Я раскрываю все эти нюансы и вижу более полную картину происходившего с тобой когда-то – только и всего. Другое дело, что ты могла увлечься манией преследования...

– Это не мания!.. – сквозь слезы выкрикнула Даша, но замолчала сразу же, когда я заговорила снова.

– Не мания, не мания, – поправила я, – другое дело, что ты могла расцветить все события собственными придуманными образами. Ты же сама психолог. Ты же должна понимать, что я говорю тебе.

– Да... – всхлипывая, ответила Даша, – я понимаю, но справиться с собой не могу. Как будто что-то изнутри меня подстегивает, заставляет бежать, прятаться. Не могу справиться с этим.

– Ничего, – сказала я, – пока поживешь у меня. Из квартиры выходить не будешь, все, что нужно тебе, я буду приносить. Если за тобой и на самом деле кто-то следит, то они тебя наверняка потеряют – ведь когда ты ко мне ехала, ты заметала следы.

– Заметала, – уже вполне успокоившись, проговорила Даша, вытирая мокрое лицо рукавом куртки.

– Вот и хорошо, – сказала я, – иди в комнату, я поставлю чайник.

Даша послушно сняла свои туфли, повесила на вешалку куртку и направилась к комнате – села на то самое кресло, на котором сидела.

А я сделала по направлению к кухне только один шаг. И замерла, задумавшись.

«Если рассудить здраво, – катились круглые и правильные мысли у меня в голове, – то Даше сейчас вовсе не нужно перекрывать и прятаться. Наоборот – она должна сейчас находиться где-нибудь в центре города, где всегда много людей. И тогда – незаметно следуя за ней – можно было бы выяснить – на самом ли деле кто-то следит за ней или все ее проблемы

просто-напросто... Но как сейчас скажешь ей об этом? Пускай немного успокоится и тогда я снова поговорю с ней».

Звонок во входную дверь прервал ход моих мыслей. Я услышала, как Даша в комнате негромко вскрикнула.

Прежде чем открыть, я посмотрела в глазок. Привычка, к которой я себя приучила, когда узнала, как именно погибла моя сестра – ее застрелил киллер в прихожей ее собственной квартиры – дверь в этой квартире глазком оборудована не была.

Немного деформированный особенностями оптической линзы Васик, покачиваясь на лестничной площадке, широко мне улыбался, очевидно, вполне довольный собой, современниками и окружающим его миром.

Я открыла дверь.

– Соскучилась? – вваливаясь в прихожую, осведомился Васик, – а быстро шел, как только мог. А когда я быстро иду, я обычно падаю. Вот упал, а навстречу как раз патруль ментовский.

Через прихожую проследовала Даша в ванную. Васик был увлечен собственным монологом и поэтому не заметил ее заплаканного лица.

– Купил всего понемножку, – сказал он, ставя на пол тяжелую звякнувшую сумку, – как говорится – ассорти. Последнее время мы нечасто вместе собираемся, так что сегодня немного можно – выпить и закусить.

Он скинул с ног ботинки и, не глядя, пинками зашвырнул их под вешалку. На этот раз я проследила траекторию полета ботинок.

Васик снова подхватил свою сумку и, кивнув мне, чтобы я следовала за ним, направился на кухню. Там он поставил сумку на стол и принялся доставать свои покупки, комментируя каждое свое действие – так коммивояжер расписывает достоинство предлагаемого товара. Васик и говорил совсем как коммивояжер – быстро и без остановки:

– Вот это бутылка «Перцовой», с нее очень хорошо начинать – она язык развязывает и вообще – освежает. Хорошая вещь. Вот – коньяк армянский. Продавец клялся, что настоящий, действительно в Армении произведен.

Васик поднес бутылку к глазам, несколько минут внимательно исследовал этикетку, потом просиял и воскликнул:

– Не обманул, халдей – настоящий, армянского оригинального производства, – проговорил Васик. – Вот тут написано – сделано в Душанбе. Та-ак, что тут еще... Ага, бутылка «Столичной». Ну, это само собой, даже объяснять не надо. Вот это херес. Не знаю, что такое, продавец, падла, подсунул до кучи. Вот это вино молдавское, дорогое – значит нормальное. Вот это текила, я текилу очень люблю. Ну, пиво еще – куда же без него. Опять же – утром надо будет похмеляться чем-нибудь...

– Васик, – с изумлением проговорила я, – зачем такое изобилие? Может, ты еще пригласил кого? Мы же при всем желании всего этого употребить не сможем.

Васик пожал плечами.

– Есть такая поговорка, – высказался он, – сколько водки не бери, все равно два раза за ней бежать придется. Вот я и подумал... Чтобы два раза не бегать... А приглашать я никого не приглашал. Только до магазина и обратно. Да! – вспомнил он. – Я так и рассказал, что со мной приключилось по пути в магазин!

– Что еще приключилось? – появившись в дверном проеме, тревожно спросила Даша.

Она была бледна после умывания и, кажется, еще не вполне успокоилась.

– Сейчас расскажу, – с готовностью отозвался Васик и уселся за стол, одновременно скручивая жестяную головку бутылке «Перцовой», – иду я, значит, себе иду... Давай, Оль, стаканы-то...

Я подала ему стаканы и присела за стол. Даша села рядом со мной. Васик отвлекся на минуту от своего рассказа, разливая водку, а потом продолжал:

– Патруль, говорю, ментовский мне навстречу идет. А я как раз упал. В лужу. И так неудачно упал, что спиной приложился – со всего размаху – ба-бах! Ну, лежу, пошевелиться не могу, дыхание у меня сперло. А менты подходят и говорят мне так, знаешь... А закусочка у нас не будет, что ли? – снова отвлекся он.

– Извини, – поднимаясь, проговорила я, – заслушалась. Сейчас соображу что-нибудь.

– Ага, ага, – закивал Васик, – что-нибудь по-быстрому. Колбаска там, салатика... Всякие овощи консервированные есть у тебя? Вот и славно. Люблю соленьким закусывать – не могу прямо...

Даша бросилась помогать мне и вдвоем бы очень скоро накрыли стол. Васик все это время трепался без остановки, то и дело отхлебывая из своего стакана.

– Поднимают меня из лужи, – тараторил он, – берут под белые ручки и ведут куда-то. Тут уже я немного оклемался – говорить могу. Ну, и, значит, начинаю им втирать, кто я такой, как у меня фамилия, кто мой отец и что им всем будит, если они меня сейчас же не отпустят.

– А менты? – спросила Даша, щеки которой уже немного порозовели, она даже несколько раз улыбнулась в такт рассказу Васика.

– А менты ржать начали, – с готовностью продолжил Васик. – Говорят – не может быть, чтобы у такого большого человека был сынок алкаш и придурок. Ну, тогда меня зло разобрало – думаю, сейчас приволокут меня в отдел, там разберемся. Еще и извиняться будут, уроды мусорские...

Васик прервался, шумно выдохнул и выразительно покосился на наши стаканы. Мы выпили, и Васик не давая нам даже отдышаться, снова забарабанил:

– Приводят меня в отдел, и, натурально, в обезьянник. Посиди, говорят, отдохни. А мы пока протокол составим. Захожу я в обезьянник, а там уркан сидит какой-то. Бухой в жопу, едва глаза открыть может, а туда же – начинает на меня бочку катить – мол, таких волосатых мудаков, как я, мочить нужно и в параше топить. Хотел я ему промеж глаз засветить, да присмотрелся и узнал в этой горилле своего бывшего одноклассника, Аркашей его зовут. Ну, он тоже меня узнал, когда я представился, конечно. Он от радости встречи даже протрезвел немного. Настолько, что смог слова выговаривать и связывать их в предложения. Успел мне о себе рассказать немного. Говорил, что боец в одной из группировок. В тамбовской группировке – вспомнил. Ходит под Артистом, – Васик подмигнул мне, – помнишь?

Я кивнула и невольно поежилась. С бандитом Артистом нам с Васиком как-то пришлось столкнуться год назад – в то время, когда я расследовала убийство своей сестры Натальи. Для нас тогда эта встреча едва не окончилась трагически. Повезло – удалось ускользнуть. Ну, ладно, что это я? Только что говорила Даше, что нечего вспоминать то, что лучше всего накрепко забыть, а сама...

– Только мы разговорились более или менее, – с хрустом жуя огурец, продолжал Васик, – к нам в обезьянник вталкивают мужичонку. Такой... еврейского типа, кудрявенький в очках. Пьяный, конечно. Аркаша на него начинает наезжать, как на меня вначале. Взял этого жиденка за шкиряк и говорит ему – выбирай, куренок, вилку в глаз или в жопу раз? Этот прикол Аркаша из зоны вынес. Там таким образом лохов проверяли, которые первый раз на хату заходили. Тот мужичонка долго не понимал, что от него хотят, а потом вдруг ка-ак ломанется к решетке! Ка-ак заорет! Мусора прибежали, а он им – почему вы меня к пидарасам посадили, выпустите, не хочу к пидарасам. Тут уж мы с Аркашей возмутились – что это он нас пидарасами-то обзывает... – Васик фыркнул, не выпуская рвавшийся наружу смех, и, давясь им, продолжал. – А мужичонка оборачивается к нам и орет – они мне говорили – в жопу раз или в вилку в глаз, а у самих оба глаза целые.

Васик, не договорив, расхохотался, видимо, не в силах больше сдерживаться. Когда первый приступ веселья у него прошел, он вдруг заметил, что мы с Дашей не смеемся.

Он пожал плечами и снова разлил.

– Не смешно? – осведомился Васик. – Это потому что вы не поняли юмора. Сейчас выпьем, а потом я вам еще раз все по порядку расскажу.

* * *

Поселившись в Москве, я и работу нашла себе подобную той, какой занималась в своем родном городке. Если раньше я была рекламным агентом в местной газетке, то сейчас, занимая примерно такую же должность, я пышно именовалась менеджер-агент по размещению рекламы. А контора, где я теперь работала, называлась рекламное агентство «Алькор».

Обязанности мои состояли в том, что я с утра до вечера носилась по городу со списком адресов фирм, который составил мне мой непосредственный начальник. Директора и президенты, означенных в списке фирм, были уже осведомлены о моем предстоящем визите. Ранее они обращались в наше агентство и оставляли заказ на изготовление для них логотипа фирмы, рекламного ролика и тому подобной ерунды.

Директора и президенты обычно общались со мной лично. Это в редких случаях бывало, чтобы они отсылали меня к своим заместителям или секретарям, получившим соответствующие инструкции.

Все-таки, реклама, а в особенности – логотип – визитная карточка фирмы.

Больше половины директоров и президентов вообще не знали, что они хотели бы увидеть в рекламном ролике, на рекламном плакате или в рекламном тексте, помещенном на специальной страничке периодического издания. Тогда мне приходилось довольно долго сидеть с ними, выспрашивать о специфике фирмы и даже разговаривать на совсем отвлеченные темы, чтобы понять, как составить рекламный продукт таким образом, чтобы он смог удовлетворить заказчика.

Довольно трудная работенка, учитывая еще то, что директора фирм – особенно уже пожилые и заплывшие заслуженным жирком – поговорив со мной о том, о сем, ни с того ни с сего вдруг начинали смотреть на меня не как на делового партнера, а как на женщину, с которой неплохо было бы познакомиться, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Видимо, из сбивала с толку неофициальность беседы, которой я пользовалась для того, чтобы узнать заказчика рекламы получше и преподнести соответствующий его вкусу продукт.

Намного проще и легче было работать с бизнесменами, четко представляющими себе – что они хотят от нашего рекламного агентства.

Такие не кликали секретарш с чаем и бутербродами, не предлагали заговорщицким шепотом коньячку из сейфов, а быстро и доступно излагали свои требования, и мне оставалось только записать все то, что они говорили, и вечером в конторе передать все впечатления и расшифровку своей записи ребятам из отдела изготовителей рекламы.

И все. Вот в чем заключалась моя работа.

Не знаю, может быть, суматошная Москва на меня так подействовала или еще что, но с недавнего времени я перестала удовлетворяться ролью только поставщика информации, стала часто забегать в другие отделы нашей конторы, разговаривать с мастерами на профессиональные темы, и даже на днях представила несколько толковых сценариев для рекламного ролика. Один из сценариев приняли и, немного переработав, сняли по нему ролик. А я получила премию. Небольшую, правда, но ведь дело было вовсе не в деньгах – а в том, что я убедилась в своей компетентности.

Кто знает, может быть, скоро я уже не буду мотаться по офисам, как сейчас, а займусь другим делом, которое, кстати говоря, очень меня стало интересовать – изготовлением рекламы.

Но пока...

Нужно выполнять те обязанности, которые должна выполнять.

* * *

Хоть на посиделках с Васиком и Дашей я выпила совсем немного – по моим меркам практически не употребляющего спиртного человека – все же голова гудела у меня порядочно и я лишний раз порадовалась, что продала машину сестры. Совершенно не могу себе представить, как можно водить машину по дневным улицам Москвы – с ума сойдешь.

Я проснулась раньше всех и после утреннего посещения ванной комнаты решила все-таки разбудить Васика и немного проконсультировать его относительно дальнейшего его поведения.

– Га! – хрипло гаркнул Васик, когда я сильно тряхнула его за плечо.

Он вскочил с кресла, на котором провел ночь, и – страшный, со спутанными длинными волосами, облаком стоящими вокруг его головы – уставился на меня враз покрасневшими глазами.

– Чего? – осведомился он и вдруг шумно зевнул.

Я едва успела отскочить в сторону, иначе меня, наверное, бы сбила с ног тугая струя невероятно зловонного и насыщенного алкогольными парами перегара.

Васик поморщился.

– Рано еще, – прохрипел он, – чего ты здесь... прыгаешь? А где?..

Он пошарил глазами по комнате и, увидев спящую на диване Дашу, снова зевнул.

– Не оклемалась еще, – высказался Васик, – оно и понятно. Дашенька наша вчера задала концерт.

– Тише ты! – оборвала его я. – Пойдем на кухню, поговорить надо.

Васик попытался приподняться, но необъяснимая сила вдавила его в кресло, и Васик бессильно свесил с подлокотников длинные руки – его пальцы с нечистыми ногтями касались пола.

– А тут нельзя поговорить? – жалобно поинтересовался он. – У меня ноги не ходят что-то... Подкашиваются.

– Разбудим, – я кивком указала на Дашу.

– Мы тихо будем. Прямо умираю я, до чего мне плохо, – доверительно высказался Васик, – передвигать не могу.

– Как хочешь, – притворно зевнула я, – только на кухне в холодильнике пара бутылок пива осталась и почти полная бутылка «Столичной».

Эта новость приподняла нескладное тело Васика с кресла, заставила его на заплетающихся ногах добраться до холодильника. А положив руку на прохладный живот холодильника, Васик моментально преобразился.

Рыча, он распахнул холодильник, извлек оттуда бутылку пива, скovyрнул желтым носорожьим ногтем большого пальца металлическую пробку и опрокинул бутылку над своей глоткой.

– Хорошо! – булькнул он, когда последние капли янтарно-желтой жидкости исчезли из зеленой стеклянной оболочки.

Васик достал еще одну бутылку пива, открыл ее и опустился на стул.

– Ну, о чем ты со мной хотел поговорить? – свежим и ничуть не хриплым голосом осведомился он.

Я прикрыла дверь и села напротив него на стул.

– Какие у тебя планы на сегодняшний день? – прежде всего спросила я.

Васик надолго задумался. Думал он довольно долго, а когда опустела вторая бутылка пива, проговорил:

– Да никаких, наверное.

– Тогда слушай меня внимательно, – строго сдвинув брови, начала я.

– Сейчас, – прервал меня Васик, – погоди ми нутку... Он снова открыл холодильник, погрузился туда по плечи и вынырнул, сжимая в костистых лапах чудом уцелевшую бутылку молдавского вина.

– Ага, – кивнул он мне, – слушаю.

И отхлебнул прямо из бутылки.

– Я уезжаю на весь день, – проговорила я, – Даша остается у меня на... на неопределенный срок. И коль тебе сегодня нечем заняться, так я хотела тебя попросить, чтобы ты проследил за ней...

Не дослушав до конца, Васик рассмеялся.

– Понял, – сказал он, – посмотреть, чтобы она опять не нажралась, как вчера? Чтобы не плясала на столе голышом? Это я могу!

Он снова приложился к бутылке.

– Да нет, – поморщилась я, – ты не понял.

– Да чего здесь не понять? – удивился Васик. – А ты знаешь, – понизив вдруг голос до шепота, проговорил он, – когда ты спать улеглась, Даша залезла в ванну и меня к себе позвала. Сказала – спинку намылить.

– А ты?

– А я вовремя поспел! – осклабился Васик.

– То есть? – не поняла я формулировку ответа.

– Ну, когда я пришел в ванную, она уже захлебывалась. Напилась сильно, вот и уснула, пока меня ждала, – объяснил Васик. – Она же совсем неменяемая была, когда еще ты спать не легла. А потом она еще бутылку вина прикончила и стала – наглухо. Кричала всякую ерунду. Шептала мне на ухо, что лучше покончит с собой, чем живой попадет в руки Захара. Она считает, что это Захар за ней следит, – сообщил Васик, – совсем с катушек съехала. Она всегда была нервная, но чтобы вот до такой степени... Да, кстати! – вспомнил он. – Ты меня о чем-то хотела попросить?

– Хотела, – получив, наконец возможность проговорить свою просьбу до конца, я глубоко вдохнула и начала, – мне нужно, чтобы ты, Васенька, последил за Дашей, пока я буду на работе.

– Это я понял, – кивнул Васик, – и что – и все, что ли?

– Ну да, – сказала я, – если она захочет из квартиры выйти – следуй за ней. Но не так, чтобы она знала, что ты за ней идешь. А незаметно.

– То есть как это? – наморщился Васик. – Следить, что ли, за Дашкой?

– Не совсем, – поправила его я, – следить за теми, кто следит за ней.

– Как это? – вытаращил налившись кровью глаза Васик, а когда до него дошел смысл моего высказывания, он почесал в затылке и спросил меня:

– Это что же – ты думаешь, что за ней на самом деле кто-то следит? Да брось! Кому это надо было бы? Просто девочке нужно нервы полечить немного.

Я неопределенно мотнула головой.

– Не уверена я, – сказала я.

– В чем это? – немедленно задал вопрос Васик.

– Ни в чем не уверена, – ответила я, – но вполне может статься, что за нашей подружкой кто-то следит.

– Кто? – механически спросил Васик и вдруг осекся. – Неужели... – пробормотал он, – неужели ты думаешь, что это вернулся Захар?

– Да причем здесь Захар? – рассердилась я наконец. – Просто-напросто лучше проверить. Чтобы потом не было никаких сомнений.

– Ну ладно, – согласно кивнул Васик и снова сделал длинный глоток из бутылки, – послежу за ней. Только вот – если за Дашкой и в самом деле кто-то следит, то как этот кто-то

вычислит ее на твоей квартире? Ведь Дашка, когда к тебе ехала, так усердно заметала следы, заставляя меня петлять по городу, что... Тут никакой Шерлок Холмс не поможет.

Это замечание Васика было к месту. Действительно, как это я не подумала?..

– Ну-у, – протянула я, – в таком случае твое задание усложняется. Выдумай какое-нибудь дело, чтобы Даша хотя бы на минуту заехала к себе на квартиру. После этого... Ну, короче говоря, Васик, что я тебе рассказываю – ты и сам все прекрасно понимаешь.

– Конечно, понимаю, – важно кивнул Васик и допил бутылку, – мы с тобой не в первый раз ведем расследование. Я знаю, что к чему.

– Вот и отлично.

Я посмотрела на часы – я уже опаздывала на работу.

– Только еще два момента, Васик, – добавил я.

– В чем дело?

– Во-первых, не приведи хвост ко мне на квартиру, если этот хвост существует на самом деле, – сказала я, – а во-вторых, поосторожнее с этим самым, – я выразительно щелкнула себя двумя пальцами под подбородок, – больше не пей, ты и так уже снова пьяный, по-моему.

– Я? – Васик даже обиделся. – Да что тут пить-то? Ты же знаешь, что я сколько не выпью, всегда сохраняю это... как его... присутствие духа.

– А кого вчера в милицию забрали? – напонила я.

– Да это что! – фыркнул Васик. – Упал я просто, споткнулся. А эти козлы и рады стараться. Лишний штраф слупить. Только, конечно, ни хрена у них не вышло. Они мои данные по компьютеру проверили и на задних лапках прибежали. Из обезьянника чуть ли не с музыкой вывели, – Васик Дылда выпрямился на стуле и самодовольно усмехнулся. – Ладно, – добавил он, – постараюсь поосторожнее. В общем так, – подытожил он, – мне нужно установить – следит ли кто-нибудь за Дашкой или это она все надумала, так? – Васик поднял вверх указательный палец и икнул. – Будет сделано.

Он снова икнул – с такой силой, что едва не упал со стула. Я вздохнула и внимательно посмотрела на него. Видимо, в моем взгляде Васик угадал сомнение в его сыскарских способностях, потому что он поднялся на ноги и, стараясь держаться прямо, проследовал к газовой плите.

Зажег горелку и поставил на нее чайник.

– Кофе буду пить, – объяснил он свои действия, – оно протрезвляет. И Дашке налью, как только она проснется. Кофе налью – в смысле.

Он вдруг ухмыльнулся.

– Сомневаюсь, что она с дивана сегодня слезет, – сказал он, – а не то что пойдет куда-нибудь.

– Ладно, – сказала я, – там видно будет. Боец Васик, ты свое задание понял?

– Так точно!

– Выполняй! Только поосторожнее. Знаю я тебя, – вздохнула я, – обалдуй ты порядочный. Но положиться на тебя можно – хоть и обалдуй.

Васик вытаращил глаза и состроил чудовищно нелепую гримасу – настолько неправдоподобную, что мне показалось, будто он надел маску.

– Рад стараться! – крикнул он.

Как я узнала позже, от этого крика Даша и проснулась.

* * *

Мой рабочий день уже подходил к концу. Осталось посетить только одну фирму.

Я сверилась со списком – да, так и есть – одна фирма. Называется – «Лебедушка». Шеф что-то говорил об этой фирме, но что именно – не помню. Забыла. Помню только – шеф мерзко

прихихикивал, когда диктовал мне эту «Лебедушку», он так всегда хихикает, когда кто-нибудь рассказывает ему скабресный анекдот, до которых он большой охотник.

Я добралась до того места, где должна была располагаться фирма – большого пятиэтажного дома. Знакомое здание – раньше здесь, насколько я знаю, проводились какие-то партийные совещания и работали комсомольские дружины, а теперь это большое здание, как муравейник, нашпиговано офисами различных компаний и фирм.

Первым делом, как вошла, я, конечно, навела справки у охранника. Оказалось, что мои потенциальные заказчики – фирма «Лебедушка» – довольно солидные клиенты – они снимали не пару комнат, а целый этаж – верхний.

Охранник позвонил на верхний этаж, доложил о моем прибытии, а потом проводил меня к лифту.

Когда створки лифта раскрылись, меня встретил еще один охранник. Он вежливо поздоровался со мной и указал на большую металлическую дверь с надписью «Лебедушка».

«Солидно, – думала я, осматриваясь, – очень перспективные клиенты. Надо шефу о них доложить – отдельно. Только вспомнить бы – почему он так мерзко хихикал тогда».

Створки лифта снова раскрылись и выпустили девушку в кожаной куртке и предельно короткой юбке. Голову девушки украшала просто громадная копна обесцвеченных волос – было похоже на то, что на голову девушке села, распушившись, гигантская белая курица.

– Где здесь?.. – оглянувшись по сторонам, спросила девушка.

Охранник и ей кивнул на металлическую дверь. Девушка с курицей на голове прошмыгнула впереди меня. Я вошла за ней в полутемный коридор и прикрыла за собой тяжелую дверь.

Девушка стучала каблуками уже где-то далеко по коридору. Вот легко хлопнула какая-то дверь из располагавшихся по стенам и девушка исчезла.

Я пошла следом за ней и вскоре вычислила ту дверь, которая открылась, впустив девушку. На двери была картонная табличка – «Отбор претендентов здесь».

Я хмыкнула и пожала плечами. Мне явно не сюда. А где же здесь кабинет директора фирмы?

Надо вернуться и проконсультироваться у охранника.

Так я и сделала.

Глава 3

Генеральным директором фирмы «Лебедушка» оказался довольно молодой мужчина (примерно, тех же лет, что и я) – одетый так, будто бы только что сошел с подиума одного из самых модных и последних показов. Пластика его движений напоминала женскую, а манера растягивать слова усиливало появившееся у меня при первом взгляде на него подозрение в «голубизне».

Ну, да черт с ним. Хоть приставать не будет. За день так устаешь от высокопоставленных дон-жуанов и престарелых шалунов.

– Вы из «Алькора»? – вскинув голову, как только я вошла в кабинет, спросил он, хотя при мне – в приемной кабинета секретарша всего несколько секунд назад докладывала о моем прибытии.

– Да, – сказала я, – Ольга Антоновна Калинова. Насколько я понимаю, вы хотите сделать себе рекламу. Давайте обсудим, что бы вы конкретно хотели заказать в нашем агентстве, – выпалила я многократно затверженную фразу.

– Как говорится – ближе к телу? – неожиданно засмеялся он. – Я ведь даже еще и представиться не успел. И предложить вам присесть – тоже.

– Извините, – пробормотала я. Обычно президенты и генеральные директора мне не представлялись, а мое имя-отчество выслушивали в пол-уха. Да и зачем все эти формальности? Надо быстро-быстро сделать это дело и переходить к другим – не менее важным.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – молодой человек указал на глубокое кресло напротив его письменного стола, – меня зовут Карен Степанович, я генеральный директор фирмы «Лебедушка».

Я кивнула, давая понять, что находила эти сведения очень ценными.

– Чаю, кофе? – предложил Карен Степанович. – Выпить что-нибудь хотите?

– Если можно кофе, – согласилась я. Под вечер у меня начала болеть голова. Я вдруг неожиданно подумала о Васике и Даше – как они там?

Карен Степанович отдал в селектор соответствующие указания и через минуту секретарша внесла в кабинет поднос с двумя дымящимися чашечками.

Карен Степанович достал из ящика своего письменного стола маленькую плоскую бутылочку.

– Коньяка? – предложил он.

Я едва удержалась от того, чтобы не поморщиться.

«Начинается, – подумала я, – а я-то думала, что он из этих самых – из нетрадиционных. Сейчас откажусь, полчаса меня будет уговаривать хоть капельку выпить. Сбивать с рабочего настроения».

– Нет, спасибо, – я подняла на уровень груди развернутые в его сторону ладони, – я не пью.

– Как хотите, – равнодушно проговорил Карен Степанович, – а я добавлю себе в кофе. Очень, знаете ли, люблю в конце рабочего дня.

Он проделал все необходимые манипуляции, спрятал бутылочку обратно в ящик, отхлебнул из своей чашечки и зажмурился от удовольствия.

– Зря отказались, – медленно проговорил он, – бодрит, настраивает на творческий лад.

Я снова кивнула.

– Может быть, мы перейдем к делу? – проговорила я, после того, как Карен Степанович, хлебнув еще несколько раз, открыл наконец глаза.

– Да-да, конечно.

Он снова отхлебнул, снова зажмурился, но когда открыл на этот раз глаза, в них уже появилась обычное для всех деловых людей собранность.

– К делу, так к делу, – сказал он, – нашей фирме нужна заказать в вашем агентстве проект рекламного щита.

– Деятельность вашей фирмы? Какого рода рекламу вам бы хотелось увидеть? – отчеканила я привычные вопросы.

– Деятельность нашей фирмы? – переспросил Карен Степанович. – Мы представляем собой... своего рода филиал благотворительного фонда «Лагуна вечной любви». Слышали о таком?

– Слышала, – кивнула я, припомнив навязчивую телевизионную рекламу, – по всем каналам передают об этом фонде. Ни одна рекламная пауза на телевидении не обходится без упоминания об этом фонде.

– Правильно, – улыбнулся Карен Степанович, – фонд только начинает свою деятельность, так что ему необходимо заявить о себе. А наша фирма – мы занимаемся финансовыми операциями под эгидой фонда – недавно переехала в этот муравейник. Не успели еще обжиться здесь. Ну, вы, наверное, заметили, как на нашем этаже неприглядно еще.

– Вообще-то не заметила, – сказала я, хотя мне на самом деле показалось, что коридор слишком темен и безлюден. Ну, понятно – конец рабочего дня.

– Спасибо за комплимент, – снова улыбнулся Карен Степанович и снова отхлебнул из своей чашечки – и снова зажмурился, будто употребление этого напитков доставляло ему просто неземное блаженство.

– Итак, – подытожила я, – вы занимаетесь финансовыми операциями и, надо думать, работаете с населением – если хотите заказать рекламный щит.

– Совершенно верно, – сказал Карен Степанович.

– Вы представляете себе – хотя бы примерно – как это может выглядеть? – спросила я, надеясь на то, что Карен Степанович действительно обдумал уже и тему рекламного щита и визуальный ряд, и слоган, и оформление. Тогда мне не придется тратить время на разговоры с ним и напрягать уставший уже мозг, чтобы узнать, что ему на самом деле нужно.

– Конечно, представляю. А как же иначе? – ответил мой собеседник и приподнял немного густые ровные брови, как бы в знак того, что очень удивлен моим вопросом.

Отлично! Значит наш разговор закончится быстрее. Ну, полчаса еще, примерно, и можно ехать домой – знаю по опыту общения с подобным контингентом.

Правда, я неожиданно заметила, что мне нравится общаться с Кареном Степановичем. Как-то очень уютно было и по-домашнему – сидеть в мягком кресле с чашечкой ароматного напитка, греющей озябшие на улице руки.

– Насколько я понимаю, – начала я, – тема щита – бизнес. Сфера денег, компьютеров... Что-то строгое, настраивающее на деловой лад. Никаких лишних компонентов. Народ уже не покупается на яркие картинки с полуголыми красотками на фоне пальм и ослепительных пляжей. Коротко и по существу – такова будет общая идея плаката?

– Не совсем, – качнул головой Карен Степанович, – я предполагал совсем другое изображение. Вы верно говорили о доверии людей. Манипулировать этим доверием – и есть сфера ваших занятий. Я правильно понимаю?

– Абсолютно верно, – согласно кивнула я.

– Так вот, – продолжал Карен Степанович, – мне бы хотелось видеть на рекламном щите визуальную расшифровку названия фонда – «Лагуна вечной любви». И плюс к этому – чтобы изображение гармонировало также и с названием нашей фирмы-филиала «Лебедушка».

– А конкретнее?

– Конкретнее – пожалуйста. Я бы хотел видеть на щите женское лицо, – сказал Карен Степанович, – женское лицо, так сказать, излучающее спокойствие, тихое счастье... Распола-

гающее к доверию. Просто женское лицо и все. Ну и, логотипы фирмы и фонда, естественно. Никакого слогана, ничего. Народ, как вы правильно заметили, устал он многообещающих слов. А воздействие такого рекламного щита будет проходить как бы на подсознательном уровне. Представляете, – Карен Степанович наклонился ко мне, – человек едет на машине по городу, краем глаза замечает нас рекламный щит, рассмотреть до конца он его не успевает – поэтому и не нужны никакие слоганы и сложный визуальный ряд тоже не нужен. Человек просто-напросто воспринимает женское лицо, вызывающее у него положительные эмоции и рядом с этим лицом – логотипы фирмы и фонда. Одно накладывается на другое и... Понимаете?

– Конечно, – сказала я, – надо думать, что модель для рекламного щита вы тоже уже подобрали.

– Вот с этим как раз у нас проблемы, – качнул головой Карен Степанович, – нам нужно такое лицо, чтобы... Оно вызывало положительные эмоции у большей части горожан. Не только у мужчин, а даже и у женщин, детей и стариков. Кроме сексуальности и женственности, в этом лице должно быть ярко выражено... – Карен Степанович несколько раз щелкнул пальцами, подбирая нужное слово, – должно быть ярко выражено... доброе начало, вот. Такое добро, которому можно доверять безоговорочно. Понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.